

УДК 94 (73) ББК 63.3(7)

«NEW YORK TIMES» И КИТАЙСКИЙ КРИЗИС 1931 г.

© 2020 С.О. Буранок

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 16.09.2020

Статья посвящена проблеме формирования подходов и оценок китайского кризиса 1931 г. в периодической печати США и основана на материалах как демократической, так и республиканской периодической печати. Материалы американской прессы, относящиеся к 1931 г. и посвященные поиску оптимальной стратегии выстраивания отношений с Китаем и Японией, демонстрируют устойчивый интерес американских СМИ к политике на азиатском направлении. В ходе трудного поиска оптимального взгляда на китайский кризис в американской прессе были сформулированы несколько полярных точек зрения. Изучение ежедневных газет и аналитических журналов США показывает, что осенью 1931 г. формируется два подхода к «китайскому инциденту»: изоляционистский и интернационалистский. Осенью 1931 года в периодической печати США не сложилась идея «спасения Китая», которая стала популярной в ходе второй японо-китайской войны. Единственной значимой моделью решения «китайской проблемы» журналистам и редакторам виделась негласная и косвенная поддержка японских претензий. Таким образом, изучение отношения американской прессы и позиций наиболее видных журналистов представляет интерес для анализа того, как США после китайского кризиса постепенно осознали место страны в новой системе международных отношений. Кроме того, анализ материалов прессы показывает, как США планировали строить взаимодействие с враждующими государствами на Тихом океане.

Ключевые слова: японо-китайская война, пресса США, международные отношения, Маньчжурия, общественное мнение.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-3-61-69

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-70003 «Сражающийся Китай» 1931-1949 гг. в оценках периодической печати США.

В процессе формирования образа Китая в США в кризисный 1931 год большую роль играли наиболее крупные и влиятельные газеты, служившие центрами притяжения мнений экспертов-международников, политических комментаторов, общественных деятелей и редакторов. Первоначальная реакция на Маньчжурский инцидент предсказуемо поляризовала прессу США на изоляционистское крыло (с главным центром – «Chicago Tribune») и интернационалистское крыло (ведущее издание – «New York Times»). Но кроме первых репортажей и откликов на события данные

газеты уже в сентябре 1931 г. публиковали версии о виновных в конфликте, методы и модели решения японо-китайского противостояния, прогнозы и советы для действий американской дипломатии. В следующий месяц развития боевых действий в Маньчжурии эта черта американской прессы проявилась еще сильнее. Поэтому октябрь 1931 г. стал не просто новым этапом в освещении газетами США дальневосточного кризиса, но и этапом корректировки образа Китая, временем обсуждения новых подходов к возможному решению «китайской проблемы».

«New York Times» в первой декаде октября 1931 г. показала очень широкую и разнобразную картину эскалации кризиса в Азии. Статьи (этого периода) можно класси-

Буранок Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, права и методики обучения, orcid.org/0000-0001-8307-9428. E-mail: witch-king-1@mail.ru

фицировать по нескольким направлениям:

1) Японская агрессия. В статьях на эту тему, как правило, подчеркивались враждебные действия Японии, в заголовки всегда попадали цифры убитых китайцев и корейцев. Особо подробно рассматривались авианалеты на китайские города. Можно утверждать, что в статьях этого направления Китай был представлен как жертва «японского милитаризма» и задача США в данных статьях выглядела как оказание помощи Китаю и сдерживание Японии. В период с 1 по 10 октября 1931 г. таких материалов в «New York Times» напечатано восемь¹.

2) Китай – главный виновник конфликта. За первые десять дней октября 1931 г. статей, где проводился этот тезис, опубликовано шесть². В них основной акцент был сделан на шаткое положение китайского правительства, политический хаос, «многочисленные злоупотребления» и преступления китайцев против иностранцев. Характерная деталь материалов этого направления – под критику «New York Times» попал прежде всего маршал Чжан Сюэлян как бывший диктатор Маньчжурии и китайские коммунисты³. Общие выводы в целом повторяют статьи второй половины сентября: Маньчжурия это не Китай, на эту территорию не распространяется действие Вашингтонских соглашений, Япония – «принесет порядок».

3) Оценки американской дипломатической позиции: семь статей⁴. В публикациях этого тематического направления, как правило, описываются действия государственного секретаря Генри Стимсона.

4) Характеристика действий Лиги наций: четыре статьи⁵. Позиция Лиги наций описывалась в «New York Times» как очень осторожная, осложненная громоздким механизмом принятия решений и медленным процессом выработки оценок.

5) Боевые действия в Маньчжурии: 5 статей⁶. В первые десять дней октября сам ход боевых действий освещался в «New York Times» сравнительно мало, т.к. у американ-

ских журналистов продолжала сохраняться уверенность, что данный конфликт так и не превратится в масштабную войну. Кроме того, распространению подобной уверенности способствовали два обстоятельства: сентябрьские сообщения о быстром взятии японскими войсками Мукдена и пример конфликта на КВЖД 1929 года. Все это создавало и в начале октября образ Маньчжурии как беспокойной окраины бывшей империи, где сталкиваются интересы практически всех великих держав.

Хорошо видно, что в период с 1 по 10 октября 1931 г. новости из Маньчжурии были одними из главных международных событий на страницах «New York Times». Среди корреспондентов особо выделялся Халлетт Абенд, автор книги «Замученный Китай», а также многочисленных статей о внутриполитической ситуации в Южном Китае в 1926-1930 гг.⁷ Уже в ходе Второй мировой войны Х. Абенд издаст еще несколько книг о войне в Азии, в том числе свои мемуары «Моя жизнь в Китае»⁸. В воспоминаниях Абенд подробно описывает ситуацию, в которой он работал в 1931 г.: «Когда я приехал в Маньчжурию в середине октября 1931 года, тот же самый японец, который в августе так откровенно мне говорил, что они намеревались напасть на китайцев и захватить власть над Маньчжурией – отвез меня на новое военное кладбище в Мукдене и показал могилы японских солдат, а потом с совершенно спокойным видом подробно описал, как «вероломные китайцы беспричинно» напали на японцев без предупреждения»⁹. В статьях периода 1931 г. за его авторством хорошо прослеживается общее недоверие к «японской версии» событий. Относительно работы журналистов в Китае Абенд делает не менее интересное замечание: «Гостиница «Ямато» в Мукдене была штаб-квартирой иностранных корреспондентов той осенью и в начале зимы. Нас было больше восьмидесяти человек. Почти половина из них были американцами. Далее по численному составу были англичане, затем немцы, итальянцы и французы»¹⁰.

Большой штат именно американских журналистов в Мукдене показывает, что к середине октября (это время, когда прибыл в Маньчжурию Х. Абенд) ведущие газеты США (которые имели собственных корреспондентов) и информационные агентства (прежде всего «Ассошиэйтед пресс») осознали важность происходящих в Северном Китае событий. Воспоминания журналиста подтверждаются и количеством, и качеством статей в «New York Times» с 10 по 30 октября 1931 г. – в этот период быстро повышается число крупных статей, которые все чаще выходят на первые полосы. Подсчеты показывают, что в период с 11 октября по 11 ноября 1931 г. Китай упоминался в «New York Times» 501 раз, т.е. в среднем 16-17 раз за один выпуск. Для сравнения: Россия (как вариант СССР) – за этот же период 399 раз; Япония – 482 раза; Великобритания – 944 раза; Германия – 722; Италия – 406; Маньчжурия – 248 раз. Следовательно, если объединить результаты употребления журналистами слов «Китай» и «Маньчжурия», то видно, что осенью 1931 г. – это одна из главных международных новостей; второй по интересу (после Европы) регион – а если принять во внимание, что в этот период слова «Китай» и «Япония» были тесно связаны в рамках одной темы, то получается – абсолютное доминирование темы японо-китайского конфликта в международных новостях «New York Times».

Одним из ключевых информационных моментов октября 1931 г. в «New York Times» можно считать выход статьи ведущего американского корреспондента в Японии Хью Байаса «Япония в Маньчжурии» (Х. Байас работал в Токио с 1928 года)¹¹. Статью от 10 октября (но опубликована она будет лишь 1 ноября) Х. Байас начинает словами: «За последние два года Маньчжурия дважды задала Вашингтону и Женеве головоломку в форме вопроса: «Когда же война – не война?»¹² В отличие от многих других корреспондентов Х. Байас обращает внимание не на число жертв конфликта, не на темпы продвижения японских войск, не на взаимные претензии сторон, а на два ключевых

момента: во-первых, что в современных условиях считать войной (причем особый акцент делается не только на позиции Лиги Наций – главного международного органа, призванного решать подобные вопросы, но и на позиции Вашингтона, что возвышает в глазах читателей роль США в урегулировании международных вопросов; во-вторых, журналист в очень коротком предложении обозначает специфику проблемного региона – два международных конфликта за два года. Под первым имеются в виду столкновения СССР и Китая из-за КВЖД в 1929 г., которые также широко обсуждались в американских газетах и журналах¹³.

Пример советско-китайского конфликта часто использовался американскими журналистами осенью 1931 г.: «Раз за разом Япония предупреждала Китай о том, что ее права в Маньчжурии являются существенно важными. Китай продолжил нарушение этих прав. Теперь, по всей видимости, Япония решила, что если использование силы ради защиты не принесло никакой пользы, то пришло время прибегнуть к использованию силы в качестве нападения – так же, как сделала Россия в 1929 году, когда Китай попытался захватить под свой контроль Китайско-Восточную железную дорогу в Северной Маньчжурии»¹⁴. Х. Абенд (автор процитированной статьи) указывает на два явных сходства кризисов 1929 и 1931 года: в обоих случаях именно Китай (по мнению журналиста) был инициатором конфликта; и каждый раз железные дороги – причина или повод для боевых действий. Для американских читателей подобные сравнения служили доказательством двух тезисов: во-первых, кризис будет очень скоротечным и не приведет к глобальным последствиям; во-вторых, как и в случае с 1929 годом – активного вмешательства США не потребуются. Однако из такого общего мнения были и исключения.

Сам Х. Байас в статье в «New York Times» прямо указывает на некоторые аналогии 1929 и 1931 года: «Япония в 1931 году, Россия – в 1929 с использованием оружия переси-

лили Китай; в каждом случае внешнеполитические ведомства других стран отказались рассматривать это как агрессию – и с точки зрения Устава Лиги Наций, и с точки зрения пакта Бриана-Келлога. Нежелательным результатом многократного возвращения этого вопроса является то, что неверящие в честность или эффективность международных соглашений для предотвращения войн получили подтверждение своих взглядов, а общественное мнение, жизненно необходимое для таких соглашений, ослабело, похоже, из-за трусости или беспомощности государств. Как следствие, важно понять, как рассматривать дважды произошедший Маньчжурский инцидент: как шаблонную опасность возникновения войны, против чего нас должны застраховать те самые соглашения, или как особый случай»¹⁵.

Либо с большой проницательностью, либо совершенно неожиданно собственный корреспондент «New York Times» в Японии охарактеризовал суть сценария дальнейших кризисов Версальско-Вашингтонской системы и в конечном счете пролог Второй мировой войны. Важно отметить, что на 1931 г. очень немногие американские журналисты и редакторы (даже с весомой долей вероятности) могли сделать подобные заключения. Так, Элизабет Грин в ноябре 1931 г. события в Китае называет лишь драматическим конфликтом¹⁶. Джеймсом Хоу о вторжении японских войск в Маньчжурию и о падении Мукдена отозвался как о «конфликтном случае»¹⁷. Журнал «Scientific American» также был не склонен видеть в боевых действиях в далекой Маньчжурии каких-либо далеко идущих глобальных последствий¹⁸. Следовательно, в статье Х. Байаса мы видим не просто редкий вариант оценки событий осени 1931 г., но и очень точный.

Однако другой особенностью статьи Х. Байаса является сочетание и комбинирование многих оценок и подходов к анализу ситуации в Маньчжурии. И уже в начале материала образ Китая предстает с совершенно иной стороны: «Пролить немного света на ситуацию может продолжение аналогии со

страховкой. Устав Лиги и пакт Бриана-Келлога – страховка, покрывающая, скажем, целый город. Но в городе есть старые здания, едва подлежащие страхованию, и их владельцы получают отказы на те или иные просьбы. Китай – такое здание. С учетом того, что устав Лиги Наций и пакт Бриана-Келлога не деловые, а политические договоры, [...] Китай признает факт того, что он не подлежит страховке. Все, что находится у него внутри – легко воспламеняемо. Искоренить революцию, гражданскую войну и агитацию против иностранцев невозможно. Китай – старое здание, начавшее гнить; его можно застраховать только если реконструировать»¹⁹.

Это один из первых сложных образов Китая в прессе США с момента начала конфликта. До Х. Байаса Поднебесную изображали (и представляли) в США в виде дракона, тигра, средневекового чиновника, Великой Стены. Использование подобных упрощенных, эмоционально окрашенных образов более характерно для политических карикатур, чем для текстов. Так, Х. Абенд в статье от 12 октября (но опубликована была лишь 8 ноября) тоже прибегает к этому приему: «Нынешнее положение Японии в Маньчжурии многие сравнивают с участием человека, который держится за хвост тигра. Другими словами, Япония не может [больше] держаться, но и боится отпустить»²⁰. Это более традиционная и типичная метафора для китайской темы в прессе США.

Пример города и старого здания – достаточно новый и оригинальный для американской прессы. Он наглядно показывает американским читателям всю бесперспективность не только помощи Китаю в борьбе против японской агрессии, но и полную вину за сложившуюся ситуацию. Такой взгляд сближает позицию Х. Байаса одновременно и с изоляционистскими журналистами, и японской версией причин конфликта. А таких причин (по которым «Китай – старое здание, начавшее гнить»), по мнению американского журналиста, три: ксенофобия, гражданская война и революция.

Получается, что вся история Китая с 1898

года (наиболее масштабное проявление агрессии против иностранцев) до 1931 г., включая революции 1911-1913 гг. и 1925-1927 гг. – лишь подготовка закономерного итога: превращение страны в «старое здание». Не менее важным здесь является упоминание революций: после 1927 года в прессе США весьма активно обсуждалась «коммунистическая опасность» и «красная угроза» в Китае²¹. Причем в статьях в аналитических журналах 1929-1931 гг. действия на КВЖД, создание КПК в 1921 г. и гражданская война в Китае напрямую увязывались с «активностью Москвы и Третьего интернационала»²².

Следовательно, все отмеченные образы и эмоциональные аналогии были направлены на доказательство американским читателям невозможности и бесперспективности американского вмешательства в китайские дела. Но на осень 1931 года такая точка зрения не была основной ни в США, ни в «New York Times»: 13 октября в газете выходит небольшая, но красноречивая заметка: «Китайцы на Кубе убеждают Гувера и Лигу Наций остановить действия Японии в Маньчжурии. Вместе с резолюцией, которую приняли сегодня на встрече представители всех китайских кругов, находящихся на Кубе, президенту Гуверу, государственному секретарю Стимсону, сенатору Боре и председателю Совета Лиги Наций были высланы выражения несогласия с японскими маневрами в Маньчжурии. В сообщении, отправленном Гуверу, говорится, что 100 тысяч китайцев, проживающих на Кубе, обращаются к главам Соединенных Штатов и Лиги Наций с просьбой положить конец беспределу, который устроила Япония, оккупировав Маньчжурию»²³. При всей внешней несерьезности такого опубликованного в прессе заявления (китайская диаспора на Кубе что-то требует от Вашингтона и Женевы) в нем содержатся весьма характерные и важные для понимания информационной ситуации 1931 года детали. Во-первых, перечислены ключевые политические фигуры в США, отвечающие за формирование дальневосточной политики: президент Г. Гувер,

госсекретарь Г. Стимсон и сенатор У. Бора. Во-вторых, Маньчжурия показана однозначно китайской территорией, если за ее судьбу беспокоятся китайские диаспоры по всему миру. В-третьих, характеристика действий Японии как «беспредел» и «оккупация» в сумме с упоминанием Лиги Наций – прямое противопоставление изоляционистским тенденциям в прессе США.

Однако не только кубинская диаспора китайцев интересовала американцев. 17 октября в «New York Times» выходит статья, где с любопытной точки зрения представлено мнение японской и китайской диаспоры в США: «Прошлым вечером 16 октября в «Уитьер Холл», находящемся в Колумбийском университете, в присутствии 250 членов Американского Братства Примирения прошло обсуждение японо-китайского кризиса в Маньчжурии. Позиция китайцев была представлена заместителем директора Китайского Института Цин Мэн, а позицию японцев отстаивал Бундзи Омуро»²⁴. Такие заметки показывают, что даже в рамках одной газеты («New York Times») и достаточно коротком временном отрезке (октябрь 1931 г.) представлялись американской публике не только самые разные точки зрения на японо-китайский конфликт, но и для выработки модели урегулирования боевых действий привлекались самые различные стороны: от центральных политических фигур до представителей диаспор и общественных организаций.

В этой же статье (от 17 октября) через мнение представителей враждующих сторон даны версии глобальных причин конфликта: «Господин Мэн сообщил, что Япония хочет аннексировать Маньчжурию и Монголию, а Китай [в свою очередь] намерен сохранить свое территориальное единство любой ценой. «Маньчжурия, – заметил он, – стремительно превращается в дальневосточную Эльзас-Лотарингию».

Господин Омуро отверг намерения Японии когда-нибудь включить в состав Японской империи Маньчжурию и сказал, что они находятся там «только из-за экономи-

ческой и стратегической необходимости». Он также сказал, что Япония находится «в опасном положении в связи с перенаселением, нехваткой территории и недостаточного количества сырья»²⁵.

Последний тезис – это основа японской пропаганды причин начала конфликта, причем пропаганды не внутренней, а внешней, рассчитанной прежде всего на США и Великобританию. Х. Абенд упоминает его в своих публикациях: «Нанкинское правительство и органы китайской пропаганды продолжают утверждать, что Япония желает аннексировать Маньчжурию так же, как она аннексировала Корею в начале века, приближенные к министерству иностранных дел и крупным финансовым кругам чиновники сообщают о том, что это совсем не так. Более того, они предлагают веские аргументы против обвинений со стороны Китая в том, что сложившаяся сложная ситуация является таковой только из-за «земельного голода» Японии и ее тяги к завоеваниям»²⁶.

Постоянное указание в прессе США в период осень 1931 г. на экономические проблемы Японии (как причину конфликта) воздействовало на американских читателей с двух сторон: во-первых, образ Японии косвенно сравнивался и (в некоторой степени) сближался с собственным образом Америки, которая также находится в трудном экономическом положении; во-вторых, акцент на данном факторе делал японские претензии к Китаю более обоснованными в глазах американского общества.

Но журналисты «New York Times» в октябре 1931 г. однозначно не высказываются в пользу ни одной из сторон. Китайская версия конфликта (особенно в публикациях Байаса и Абенда) выглядит не менее убедительной. Китайская пропаганда на страницах «New York Times» не только использует образ жертвы агрессии, что было апробировано еще в сентябре 1931 г., но и пытается представить японо-китайское противостояние в образах и терминах привычных западному читателю: «Маньчжурия – это дальневосточная Эльзас-Лотарингия». По

всей видимости, это наиболее сильный китайский аргумент в пользу поддержки тезиса о международном осуждении японской агрессии, т.к. в противном случае – миру грозит новая мировая война, по примеру того, как было в 1914 г. Упоминания в процитированных статьях Монголии и Кореи – еще один аргумент в пользу того, что «инцидент» 18 сентября – не случайное событие, а очередной шаг в глобальном «японском плане».

В статье Байаса этому посвящен целый раздел: «Нам все еще доподлинно неизвестно о ночных событиях 18 сентября, произошедших на железнодорожной насыпи за пределами Мукдена. И, может быть, мы никогда ничего об этом не узнаем. Мукден – страшная и загадочная каморка Синей Бороды. До сих пор ни японцы, ни китайцы не согласились рассказать о том, что им известно об убийстве Чжан Цзолия на этой же железной дороге. Японские вояки отвечают, что всему миру только показалось, что они были подготовлены: сыграл свою роль контраст между эффективностью [японских] и неорганизованной беспомощностью китайских войск. Также они говорят, что единовременные действия на всех точках Южно-Маньчжурской железной дороги, похожие на заранее подготовленный план, никоим образом не были связаны с инцидентом»²⁷.

Упоминание маршала Чжан Цзолия не только обращает внимание читателей на предысторию этого вооруженного конфликта (1928 год), но и косвенно поддерживает обе противоположные версии о причинах инцидента, учитывая, что «маньчжурским диктатором» стал его сын – Чжан Сюэлян, личность которого активно обсуждалась в прессе США в сентябре 1931 г. Любопытно сравнение, которое использует журналист – в большей степени соответствующее изоляционистским информационным тенденциям и направленное на доказательство читателям неразумности и небезопасности активного вмешательства в «страшные и загадочные» китайские дела.

Вопрос о заранее спланированных действиях Японии в Маньчжурии остался осенью 1931 года в «New York Times» открытым: в период октября-ноября издание примерно в равной степени приводило точки зрения как японской, так и китайской стороны. При этом на Китай сильно воздействовал (как мы видим по осенним публикациям) «багаж прошлого» в плане образа. Затяжной политический кризис и внутренняя нестабильность Поднебесной формировали в США представления о «хаосе», «варварстве» и «дикости», которые разрушают Китай, делая любое его правительство неспособным выполнять международные обязательства: «Никакие соглашения не могут защитить от халатности. Ни один реалист не может ожидать от других держав попыток предпринять что-то большее, чем просто попытаться уменьшить проблему. На самом деле заинтересованность и обеспокоенность Лиги и Государственного департамента пошла на пользу Китаю. Сила была применена по принципу «урезай и ограничивай», и «победа» – в случае с Россией – была сведена к восстановлению еще до этого существующих прав; в случае с Японией это повторилось»²⁸.

Подобные образы и характеристики прочно основывались на представлении о Китае еще второй половины XIX в. Используя терминологию одного из ключевых методологов исторической имагологии Э. Саида, можно утверждать, что американские журналисты (изоляционисты в большей степени) оказались проводниками идеологии ориентализма, когда восприятие Китая в информационном дискурсе США характеризуется такими маркерами, как «отсталость», «дикость», «варварство», «конфликты», а дополняется это активным продвижением через СМИ идей о неспособности Китая или Маньчжурии к самостоятельному управлению, к независимой политике и следованию нормам международного права.

А уже из этого тезиса происходил дру-

гой: применение военной силы против внутренних, диктаторских и милитаристских режимов Китая – может быть оправдано: «Японцы, несомненно, живя так близко к Китаю, воспринимают всю китайскую ситуацию с точки зрения суровой действительности. Они четко различают использование силы в целях обороны или в целях наступления»²⁹. Это достаточно популярный тезис для осени 1931 г. (особенно для изоляционистов в США), что Китай и Япония имеют длительную историю взаимоотношений, что два азиатских народа лучше понимают и знают друг друга, что Япония сможет одна принести в Китай стабильность и порядок³⁰.

Другим способом приуменьшить значение конфликта в американской прессе были сравнения и аналогии не только с действиями СССР в 1929 г., но и другие исторические примеры: «В 1927 году Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Япония использовали силу, совместно отправив в Шанхай для обороны тысячи солдат и морских пехотинцев. Другой пример такого применения силы: поддержание средствами Соединенных Штатов, Великобритании, Японии, Франции и Италии флотилий канонерок в боевой готовности на Янцзы. Канонерки находятся там для предупреждения постоянных обстрелов и грабежей, которым подвергаются иностранные морские перевозки. Каждый раз, когда иностранные корабли открывают огонь по китайским агрессорам, то сила применяется не для обороны, а для наступления: они довольно часто вынуждены открывать огонь»³¹.

В данной цитате есть три ключевых элемента, характеризующих американский внешнеполитический дискурс 1931 г.: во-первых, иностранные державы всегда использовали для достижения своих целей в Китае военную силу (причем приведен очень широкий перечень данных государств, начиная с США); во-вторых, словосочетание «китайским агрессорам» – призвано настроить общественное мне-

ние на восприятие Китая как виновника всех конфликтов и инцидентов последнего времени; в-третьих, само обстоятельство – кто инициатор вооруженного конфликта – не имеет значения, т.к. «оборона или наступление» происходит из-за «постоянных обстрелов и грабежей». Следовательно, «New York Times» формирует образ Китая очень похожий на традиции изображения Поднебесной, восходящие еще к информационной политике Великобритании в период опиумных войн: внутренний хаос Китая, отсутствие стабильного правительства и постоянная угроза захвата власти радикальными элементами – все это может служить если не оправданием, то (в глазах редакторов и журналистов «New York Times») объяснением японской агрессии.

Подобная ситуация определялась не только доминированием в обществе изоляционистских взглядов и тяжелыми последствиями мирового экономического кризиса, но и принципиальным нежеланием американского общества быть втянутым в новую масштабную войну из-за далекой и чужой Маньчжурии. Страх перед жертвами, новыми угрозами и конфликтами – оставался значимым фактором развития информационной ситуации вокруг «Маньчжурского инцидента». Следовательно, можно предположить, что осенью 1931 года в периодической печати США еще не сложилась идея «спасения Китая», которая будет популярна в ходе второй японо-китайской войны. А единственной значимой моделью решения «китайской проблемы» журналистам и редакторам виделась негласная и косвенная поддержка японских претензий. Поэтому война 1931 года сразу обозначалась прессой США как «конфликт», «столкновение», «события»; потери сторон – преуменьшались; Маньчжурия обозначалась как независимая от Японии и Китая территория. Все это придавало начавшейся японо-китайской войне характер не предвестника новой мировой войны, а странного конфликта из-за

амбиций и упрямства «дальневосточных диктаторов».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ New York Times. 1931. X. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9.
- ² New York Times. 1931. X. 2, 4, 5, 6, 10.
- ³ New York Times. 1931. X. 6. P. 20.
- ⁴ New York Times. 1931. X. 2, 5, 7, 8, 9, 10.
- ⁵ New York Times. 1931. X. 1, 4, 6.
- ⁶ New York Times. 1931. X. 1, 6, 7, 9.
- ⁷ Abend H. Tortured China. New York, 1930.
- ⁸ Abend H. My Life in China. New York, 1943.
- ⁹ Abend H. My Life in China. New York, 1943. P. 162.
- ¹⁰ Abend H. My Life in China. New York, 1943. P. 162.
- ¹¹ Yale University Library. Manuscripts and Archives. Hugh Byas papers. Box 1.
- ¹² New York Times. 1931. XI.1. P. 53.
- ¹³ Young W. Economic Factors in Manchurian Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1930. Vol. 152. P. 293-307; The Washington Post. 1929. XII. 23. P. 1; The Tuscaloosa News. 1929. XI. 19. P. 1.
- ¹⁴ New York Times. 1931. XI. 8. P. 4.
- ¹⁵ New York Times. 1931. XI. 1. P. 53.
- ¹⁶ Green E. Crisis in Manchuria // Pacific Affairs. 1931. № 11. P. 1005-1013.
- ¹⁷ Eugene Register-Guard. 1931. IX. 19. P. 1.
- ¹⁸ Our Point of View // Scientific American. 1931. № 6. P. 370-371.
- ¹⁹ New York Times. 1931. XI. 1. P. 53.
- ²⁰ New York Times. 1931. XI. 8. P. 4.
- ²¹ Hsu L. The Sociological Movement in China // Pacific Affairs. 1931. № 4. P. 283-307; Green E. This is the China Conference // Pacific Affairs. 1931. № 4. P. 1085-1103; Gilbert R. Moscow Goads China // The North American Review. 1930. № 4. P. 391-399; Communism in China // Foreign Affairs. 1931. № 2. P. 310-316.
- ²² Communism in China // Foreign Affairs. 1931. № 2. P. 310.
- ²³ The New York Time. 1931. X. 13. P. 1.
- ²⁴ The New York Times. 1931. X. 17. P. 3.
- ²⁵ The New York Times. 1931. X. 17. P. 1.
- ²⁶ New York Times. 1931. XI. 8. P. 4.
- ²⁷ New York Times. 1931. XI. 1. P. 53.
- ²⁸ New York Times. 1931. XI. 1. P. 53.
- ²⁹ New York Times. 1931. XI. 1. P. 53.
- ³⁰ Keng Y.L. The Genus Chikusichloa of Japan and China // Journal of the Washington Academy of Sciences. 1931. № 21. P. 526-530.
- ³¹ New York Times. 1931. XI. 1. P. 53.

«NEW YORK TIMES» AND THE CHINESE CRISIS OF 1931

© 2020 S.O. Buranok

Samara State University of Social Sciences and Education

The article is devoted to the problem of formation of approaches and assessments of the Chinese crisis of 1931 in the US press; it is based on the materials of both Democratic and Republican press of the USA. The materials of the American press of 1931 dedicated to the search for the most efficient optimal strategy of building relations with China and Japan demonstrate a steady interest of American mass media towards negative and positive experience of Asian policy. In the course of a difficult search of an optimal view on crisis, several polar points of view were formulated in the American press. A study of daily newspapers and analytical magazines in the United States shows that in the fall of 1931 two approaches to the «Chinese incident» were formed: isolationist and internationalist. In the fall of 1931, the US periodicals did not yet have the idea of “saving China”, which became popular during the second Sino-Japanese war. The journalists and editors viewed a tacit and indirect support for the Japanese claims as only significant model for solving the «China problem». Thus, the study of the positions of the major American press and the most prominent journalists is important for understanding how the USA, after the Chinese crisis, gradually realized its place in the new system of international relations. In addition, the press shows how the United States planned to develop interaction with the warring states in the Pacific Ocean.

Keywords: Sino-Japanese war, US press, international relations, Manchuria, public opinion.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-3-61-69